

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 125—133.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 125—133.

Научная статья

УДК 94(519):327.54+930.2

DOI: 10.46726/H.2024.2.14

ПРЕДЫСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ КОНФЛИКТА В КОРЕЕ 1950—1953 ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Владимир Вадимович Рыбак

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, voldemarrybak@yandex.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается статья, посвящённая изучению Корейской войны 1950—1953 гг. с позиций участников конфликта с обеих противоборствующих сторон. Эта война является первым вооружённым конфликтом двух идеологий: социалистической и капиталистической. Корейский вопрос в своём развитии прошёл через различные по форме и содержанию этапы — от войны 1950—1953 годов до сближения и сотрудничества КНДР и РК в 2000—2002 годах. Однако до сих пор он остаётся трудной и сложной для решения проблемой. Советский Союз на протяжении длительного времени был безоговорочным сторонником КНДР, однако с распадом социалистической системы претерпели изменения и взгляды на корейский конфликт. Взгляды сторонников Южной Кореи со временем сильно не поменялись, хотя и они отличаются друг от друга. В данной статье с помощью метода историзма проанализированы сборники, монографии и статьи отечественных и зарубежных авторов, чьи исследования затронули корейскую проблему. На их примере будет продемонстрировано: 1) насколько сильно отличались оценки конфликта в СССР и США; 2) как менялась позиция в СССР и постсоветской России в зависимости от внешнеполитического вектора нашей страны в конкретное время; 3) на что больше обращают внимание сторонники Южной Кореи.

Ключевые слова: Корея, конфликт, Холодная война, СССР, Запад

Для цитирования: Рыбак В.В. Предыстория и развитие конфликта в Корее 1950—1953 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 125—133.

В *отечественной историографии до 1985 года* прослеживалась единая парадигма мнений — КНДР (Корейская Народная Демократическая Республика) является подлинной Кореей, которая должна была объединить собой весь полуостров. Что касается Республики Корея (Южной Кореи), то здесь советская историография была также однозначна — это не самостоятельное государство, созданное по воле корейского народа, а искусственное квазигосударство, образованное «кликлой лисынмановцев», поддерживаемых внешними силами. Под последними подразумевался Запад, в частности — Соединённые Штаты Америки как главный оплот капитализма в мире.

Власти Севера заявляли о постоянных провокациях со стороны южнокорейских войск. Так, по мнению правительства КНДР, «подготавливая нападение на Северную Корею, лисынмановцы расширили военные провокации в районе 38-й параллели. Только с января по декабрь 1949 г. они совершили

1836 вооружённых вторжений на территорию Северной Кореи. Во второй половине мая 1950 г. их провокационные действия по всей линии 38-й параллели участились» [Гафуров и др.: 225]. Самых южнокорейцев руководство северян характеризовало как «заблудших граждан единой Кореи», правительство Южной Кореи называли «предательской кликой Ли Сын Мана», а за основу в будущем единой Кореи брали северокорейское общество во главе с коммунистическим правительством.

Основными виновниками разжигания конфликта в Корее советские авторы видели Соединённые Штаты Америки. Других вариантов после начала Холодной войны у советского руководства быть не могло. С исчезновением общего врага у двух сверхдержав больше не осталось поводов сохранять союз, что в итоге было подчёркнуто в Фултонской речи бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля в марте 1946 года. Корея, только что пережившая японскую оккупацию, таким образом, стала невольной жертвой противостояния двух систем. Так, Ю.М. Мельников в 1983 году писал: «В то время как Северная Корея пошла в послевоенные годы по пути свободного, демократического и мирного развития, США делали всё, чтобы превратить юг страны в свою полуконию, помешать корейцам самим и мирным путём решать судьбу своей родины» [Мельников: 70]. Подобная риторика взяла своё начало в годы Корейской войны. Впоследствии она будет неоднократно повторяться уже в иных конфликтах на других участках земного шара. Основной особенностью историографии была бескомпромиссность суждений по отношению к противнику, безоговорочная поддержка действий советских и просоветских сил, занижение собственных потерь и, наоборот, завышенная оценка потерь противников.

Устоявшийся подход к конфликтам между двумя системами и к Холодной войне начал меняться с началом в СССР перестройки (1985—1991 гг.). Этот период вошёл в историю под знаком постепенной демократизации сложившегося в СССР общественно-политического и экономического строя. В том числе это касалось и ранее неопровержимых постулатов, принятых в отечественной историографии. В советских работах этого времени противники СССР воспринимались теперь не как непримиримые враги, а как достойные соперники. Более взвешенно вёлся анализ сил Запада, прежде всего Соединённых Штатов Америки. Известный советский корреспондент В.В. Овчинников, описывая процессы, происходящие в мире после 1945 года, подчёркивал, что больше всего во Второй Мировой войне выиграли США: «На территорию США не упала ни одна вражеская бомба. Индустриальный потенциал страны не только не пострадал, но неизмеримо возрос благодаря военным заказам... К этому небывалому сочетанию мощи и богатства добавилось и атомное оружие. С началом Холодной войны СССР рисковал быть втянутым в войну с ещё более сильным противником, уже испытавшим ядерное оружие в Японии» [Овчинников: 131].

Рассуждения о конфликте внутри Кореи стали более нейтральными. В разгар перестройки в Советском Союзе зародился ранее недопустимый плюрализм политических движений. В работе «СССР и Корея» 1988 г. это явление подчёркивалось описанием попытки организации многопартийности в ещё формально единой, мирной Корее: «Совещание состоялось 19—30 апреля 1948 г. в Пхеньяне; на нём присутствовали 695 делегатов от 56 партий и организаций, представлявших в общей сложности около 10 млн человек. Из Южной Кореи прибыли 395 делегатов. На совещании объединились патриотические силы левых, умеренных и даже части правых партий и организаций» [Капица: 179].

Само по себе присутствие каких-либо иных движений, кроме левых, не воспринималось в тексте как крамола, но тот факт, что их упоминание уже допускалось в советской историографии, свидетельствует о том, что перестроечная политика гласности проникла и в сферу международных отношений. Тем не менее в годы перестройки до 1991 года отечественная историография придерживалась идеологически выверенной позиции, допуская рассуждения и мягкую критику действий советского руководства в годы Корейской войны, но не допуская резкого уклона от устоявшейся за годы Холодной войны парадигмы.

В *отечественной историографии с 1991 года*, с окончанием Холодной войны и распадом СССР как главного оплота коммунистических сил, взгляд на конфликт в отечественной историографии изменился намного сильнее. Теперь авторы допускали всё больше антисоветских суждений в ходе анализа корейского конфликта. Допускаются уже более смелые формулировки в отношении внешней политики СССР в годы Холодной войны. Если В.В. Овчинников писал в годы перестройки о том, что СССР рисковал вступить в войну с США, то Е.И. Подрепный подчёркивал, что советскому руководству после окончания Второй Мировой войны просто повезло не ввязаться в ещё более крупный, заведомо проигрышный конфликт: «Американский истеблишмент удерживали в развязывании воздушно-атомной войны против СССР только мощные советские танковые армии, стоявшие в центре Европы» [Подрепный: 16]. В работе А.С. Полехина присутствовало суждение о том, что США изначально не планировали вступаться за южнокорейцев, в чём усматривается завуалированное обвинение в развязывании войны на Корейском полуострове в адрес СССР: «В начале 1950 г. госсекретарь США Д. Ачесон, сенатор Т. Коннели и генерал Д. Макартур заявили, что корейский полуостров не входит в “периметр обороны США”» [Полехин: 25]. В другой работе «Засекреченные войны» 2005 г. и вовсе вина за начало войны возлагается на Север безоговорочно: «даже если имела место провокация со стороны Сеула, то реакция Пхеньяна была неадекватной и далеко выходила за рамки “отпора” или “наказания”...» [Ачкасов 2005: 4]. Таким образом, был отвергнут существовавший десятилетиями в советской историографии постулат о том, что война была навязана Югом и Северу пришлось защищаться. Даже наличие тезиса о том, что атака северокорейских войск была вынужденным контрнаступлением, а не наступлением, не оправдывает КНДР. В уголовном праве такое бы назвали «превышением пределов допустимой самообороны».

В целом на рубеже 1990—2000-х годов в отечественной историографии наблюдался кардинальный пересмотр ранее незыблемых выводов о советском наследии. Отмечалось, что Советский Союз переоценивал угрозу, исходившую от Запада. Кроме этого, по мнению авторов, советское правительство на внешнеполитической арене действовало не в соответствии с теми силами и ресурсами, которыми располагал СССР. Как правило, это сопровождалось тезисами о несравнимых потерях СССР и США, понесённых в ходе Второй Мировой войны. Критика по отношению к советскому руководству в контексте несоответствия целей и вложенных в них средств относилась и к послевоенному периоду 1945—1949 годов. Отмечалось, что создание атомной бомбы (наличие которой позволило СССР вести более уверенную силовую политику на Востоке) далось советскому государству дорогой ценой: «До двух третей ассигнований на науку поглощала та её часть, которая работала на оборону. Руководство Советского Союза добивалось паритета с США в области ядерного оружия» [Андреев: 241]. Касательно советской внешней политики

выводы в целом носили категоричный характер. М.И. Мельтюхов в своей работе «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу» (2000 г.) приводит тезис об отсутствии у СССР последовательности в отстаивании собственных интересов во внешнеполитической сфере и даёт такое описание: «Советский Союз занимался лишь тем, что демонстрировал свое миролюбие и боролся за мир. В принципе, конечно, признавалось, что у СССР также есть собственные интересы, но обычно о них говорилось столь невнятно, что понять побудительные мотивы советской внешней политики было практически невозможно» [Мельтюхов].

С середины 2010-х годов по настоящее время в работах отечественных авторов появляются более детальные подробности деятельности советского государства в Корее. Характер исследования также изменяется, идеологическая составляющая отодвигается на второй план, на передний план выводится «человеческий фактор». В этих трудах исследователи предпочитают провести анализ действий отдельных людей или групп людей. Отходившая от Второй Мировой войны Корея нуждалась не только в военно-политическом сегменте, но и в технических специалистах. А.В. Торкунов в своей работе описывал попытку решить корейский вопрос советскими представителями (маршалом Советского Союза К.А. Мерецковым и генерал-полковником Т.Ф. Штыковым) с помощью «мягкой силы»: «Если до объединения Северной и Южной Кореи и образования временного корейского правительства советские специалисты не придут в Северную Корею, то корейское временное правительство, поскольку оно не в состоянии обойтись без иностранной технической помощи, неизбежно пригласит для работы в Корее американских специалистов, что в ущерб нашим государственным интересам укрепит влияние американцев в Корее» [Торкунов: 7]. Исходя из ответа Сталина на вышеуказанную телеграмму Мерецкова и Штыкова в мае 1947 года (в котором число запрашиваемых специалистов было уменьшено до предела), можно сделать вывод, что советское руководство до поры старалось обходить корейский вопрос стороной, избегая обострения противоречий с Западом.

Российские авторы Н.Б и Б.Н. Ачкасовы в книге «Война в Корее» 2018 года предпочли оставить за скобками идеологическую составляющую конфликта. Они описали версии обеих сторон, предложив читателям самим определить правых и виноватых. После этого они сосредоточились на персонах людей, принимавших участие в войне, в частности — на советских лётчиках.

Наиболее активную роль *со стороны Запада* в нарастающем конфликте играли США, перехватившие знамя капиталистического лагеря у Великобритании. После победы во Второй Мировой войне Соединённые Штаты не просто навязывали свои интересы остальным странам (как это было после Первой Мировой войны), а уже открыто признавались мировой сверхдержавой. Особое внимание США уделяли Тихоокеанскому сектору своей внешней политики. Связано это было как с длительным военным опытом, который получали здесь американские военнослужащие с момента вступления во Вторую Мировую войну, так и с необходимостью заполучить устойчивые плацдармы в начинавшейся Холодной войне с социалистическим лагерем, прежде всего — с Советским Союзом. В связи с этим Корейский полуостров и проблемы, происходившие на нём, представляли для американцев зону повышенного внимания. В ассоциации ветеранов Корейской войны события в довоенной Корее описывались Дж. Волкером как попытка предотвратить грядущую войну и провести справедливые выборы: «Ли Сын Ман, эмигрант, живший в США,

прибыл (в Корею. — *B. P.*) вопреки желанию Госдепартамента. Не сумев договориться с Советским Союзом, США передали проблему на усмотрение Организации Объединенных Наций. Выборы под эгидой ООН были проведены в мае 1948 года, но Северная Корея отказалась в них участвовать. Было избрано Национальное собрание в составе 198 членов. Сто мест остались вакантными для Северной Кореи для заполнения её участниками, но это решение было оставлено без ответа» [Walker]. Таким образом, по версии США, они всё время от окончания Второй Мировой войны до начала Корейского конфликта пытались решить вопрос демократическим способом, особо выделяя вариант народного волеизъявления. Касательно отношения к советскому представительству на Корейском полуострове стоит отметить, что риторика Запада в лице США была сведена к тому, что советские эмиссары в Корею делали всё, чтобы мир на этом полуострове не наступил, в то время как они сами делали всё ровно наоборот для его скорейшего прихода. Фактически такая трактовка событий была прямо противоположной советской версии начала и эскалации корейского конфликта. Важно подчеркнуть, что вышеуказанные выборы под эгидой ООН проводились спустя несколько недель после упомянутого совещания 56 партий в Пхеньяне в апреле 1948 года, что могло восприниматься северокорейской стороной и их покровителями не иначе, как попытка перехватить инициативу и навязать свою политическую волю.

Большую ценность представляют высказывания военных деятелей Корейской войны. Уже после начала конфликта особо стал выделяться главнокомандующий войсками ООН Дуглас Макартур. Будучи одним из самых заслуженных генералов Второй Мировой войны, этот американский военачальник не считал нужным постоянно информировать Вашингтон о своих решениях на войне. В связи с долгим ведением войны и невыполнением планов Макартур перестал устраивать Верховное командование Соединённых Штатов. Немаловажную роль играл и характер генерала. В ходе войны Макартур регулярно проявлял упрямство в отношении решений президента Трумана, а также выдвигал своеобразные варианты использования ядерного оружия в Маньчжурii: «Он пояснил, если упадет от 30 до 50 атомных бомб — поперек Маньчжурii, и сформируется от Японского моря до Желтого моря пояс из радиоактивного кобальта, не менее 60 лет не будет наземного вторжения в Корею с севера. Русские, по его словам, были бы напуганы этим и ничего бы не сделали» [Historian way land mayo]. Впоследствии 16 апреля 1951 г. за многократное проявление непокорности верховному командованию США генерал Макартур будет снят с должности командующего группой войск ООН в Корею. Таким образом, Корейский конфликт стал первым, отражённым в западной историографии вооружённым столкновением, в котором существовала, если не реальная, то теоретическая возможность прямого столкновения двух ядерных сверхдержав. Стоит также отметить и ту лёгкость, с которой Макартур говорил об атомной бомбардировке другого государства, при том, что сама по себе цель ядерных ударов будет не прямой (уничтожение противника), а косвенной, направленной на устрашение главного противника (СССР) и его изоляцию от Дальнего Востока. Объяснить это можно общей ситуацией, которая сложилась для американской внешней политики к концу 1940-х годов: СССР испытал атомную бомбу, Китай оказался под контролем коммунистов, война в Корею оказалась затяжной и привела к напряжению военных ресурсов Запада. В этой связи американский истеблишмент начал паниковать, и принадлежавший

к нему генерал Макартур был готов предлагать самые радикальные идеи для разрешения конфликта в пользу США.

Отчаянное сопротивление, оказанное войсками ООН на Пусанском плацдарме, было отображено в воспоминаниях участников боёв. Американский солдат Чарльз Пейн из 34-го пехотного полка, принявший участие в битве за Пусанский плацдарм, вспоминал это так: «толпы гукон¹ валили по холмам и впадинам, как наводнение. Наши люди сражались, как настоящие солдаты, но те просто пересиливали...» [Walker]. Пренебрежительное обращение (которое в дальнейшем американские военные будут использовать по отношению к северным вьетнамцам в годы будущей войны) относилось не только к солдатам КНДР как таковым, но и их тактике. По мнению американских военных, северокорейцы просто атаковали их позиции в лоб, не считаясь с потерями личного состава, что выглядело для представителей Запада нецелесообразно и примитивно.

Допустить потерю корейского плацдарма США не могли. Так, исследователь Т. Фенер, связанный с министерством энергетики США, в работе «Истоки испытательного полигона в Неваде» 2000 г. так описывал события, предшествующие Корейскому конфликту: «Потеря Китая осенью 1949 г. стала серьезным ударом по американским попыткам остановить продвижение коммунистического течения...» [Fehner: 41]. Это послужило поводом усилить свою активность в странах, где, по мнению США, складывалась угроза войны с коммунистическими странами. Одной из таких стран стала Южная Корея. Её положение было примечательно тем, что это была единственная континентальная база США в Восточной Азии после окончания Второй Мировой войны. Особую ценность придавала ей и географическая расположенность — в непосредственной близости от СССР и Китая.

Южнокорейская трактовка событий корейской войны носила более нейтральный характер. События в Корее после 1945 года воспринимаются прежде всего как трагедия корейского народа, который вопреки собственной воле после освобождения от японской оккупации был разделён и попал в зависимость от двух противоборствующих военно-политических блоков: «Однако не успели корейцы обрадоваться независимости, как произошёл трагический раскол страны. США и СССР, сыгравшие решающую роль в разгроме японского империализма, под предлогом разоружения японской армии установили по 38-й параллели военно-демаркационную линию и расположили вдоль неё свои оккупационные войска» [История Кореи].

В контексте участия в войне китайской армии южнокорейцы выбирают однозначную трактовку — на стороне КНДР выступала регулярная китайская армия, а не подразделения добровольцев, как это было принято считать в социалистическом лагере: «В октябре 1950 года войсками ООН и южнокорейской армией была занят Пхеньян, а вскоре они подошли вплотную к границе с Китаем, установив контроль почти над всей территорией страны. Однако в этот момент на стороне северян выступила 270-тысячная армия коммунистического Китая» [Там же: 196]. Связано это, безусловно, с тем, что концепция Южной Кореи была креатурой Запада, поэтому здесь южнокорейцы не допускали неоднозначных трактовок.

В целом, как было сказано ранее, южнокорейская трактовка войны и предшествующего конфликта была сдержанной. Связано это может быть как с отсутствием необходимости поиска абсолютной правды, так и с тем

¹ Презрительное прозвище азиатских народов, даваемое американцами. — В. Р.

экономическим ростом, которого достиг Юг спустя десятилетие после заключённого перемирия.

Отмечено, что Корейская война не входит в перечень широко освещённых конфликтов как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Связано это с несколькими факторами:

1) Долгое время участие советских военнослужащих в конфликте было засекречено, они присутствовали как «китайские добровольцы», им самим было запрещено разглашать информацию о своём участии в Корейской войне;

2) Советская идеология вплоть до перестройки диктовала строго установленную парадигму корейских событий, что исключало сторонние исследования и распространение альтернативной информации о конфликте. В Западной историографии корейский конфликт как значимое явление был вскоре вытеснен войной во Вьетнаме. Причиной этому можно назвать большую вовлечённость американских Вооружённых сил в конфликт на Юго-Востоке Азии и, как следствие, большой общественный резонанс, который появился из-за этого;

3) По итогам Корейской войны не было достигнуто быстрой и решительной победы ни одной из сторон. Фактически на второй год конфликта граница установилась на 38-й параллели с незначительными территориальными уступками в обе стороны при колоссальных потерях среди корейского населения. Всё это не могло добавить репутации в мировом сообществе ни руководству СССР, ни руководству США, которые после окончания Второй Мировой войны официально декларировали стремление к миру и созиданию.

По итогу, спустя 3 года после начала конфликта обе стороны осознали, что продолжение дальнейших боевых действий не представляется возможным. С незначительными территориальными изменениями в пользу обеих Корей прекращение огня было объявлено там же, где и началась война — на 38-й параллели. После подписания соглашения о перемирии в Пханмунджоме (место, расположенное на линии соприкосновения войск Севера и Юга) 27 июля 1953 года война считается фактически прекращённой. Тем не менее до сих пор, как среди сторонников Севера, так и среди сторонников Юга, конфликт считается скорее не завершённым, а «замороженным» (то есть чьё решение отложено на более поздний срок).

Список литературы/References

- Андреев А.Л., Андреева Л.А., Ахиезер А.С. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты / под ред. М.П. Мчедлова, М.К. Горшкова, М.К. Горбунова и др. М.: Республика, 2001. 544 с.
(Andreev A.L., Andreeva L.A., Akhieser A.S. Russian civilization. Ethnocultural and spiritual aspects, ed. by M.P. Mchedlov, M.K. Gorshkov, M.K. Gorbunov, Moscow, 2001, 544 p. — In Russ.)
- Ачкасов Б.Н., Ачкасов Н.Б. Война в Корее. М.: Вече, 2018. 272 с.
(Achkasov B.N., Achkasov N.B. War in Korea, Moscow, 2018, 272 p. — In Russ.)
- Ачкасов Н.Б., Рогоза С.Л. Засекреченные войны. 1950—2000. М.: АСТ: Полигон, 2005. 95 с.
(Achkasov N.B., Rogoza S.L. Classified wars. 1950—2000, Moscow, 2005, 95 p. — In Russ.)
- Гафуров Б.Г., Ванин Ю.В., Казакевич И.С. и др. История Кореи (с древнейших времён до наших дней). Т. 2 / под общ. ред. В.Д. Тихомирова. М.: Наука, 1974. 500 с.
(Gafurov B.G., Vanin J.V., Kazakevich I.S. History of Korea (from ancient times to the present day), vol. 2., ed. by V.D. Tihomirov, Moscow, 1974, 500 p. — In Russ.)
- История Кореи, KBS Институт международного образования при министерстве просвещения Республики Корея. Сеул: Международное радио Кореи, 1995. 204 с.

- (History of Korea, KBS Institute of International Education under the Ministry of Education of the Republic of Korea, Seoul, 1995, 204 p. — In Russ.)
- Капица М.С., Ким Г.Ф. и др. СССР и Корея. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. 414 с.
- (Kapitsa M.S., Kim G.F. USSR and Korea, Moscow, 1998, 414 p. — In Russ.)
- Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. 1945—1982 гг. М.: Политиздат, 1983. 368 с.
- (Melnikov J.M. Power and Powerlessness: Washington's Foreign Policy. 1945—1982, Moscow, 1983, 368 p. — In Russ.)
- Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/13.html> (дата обращения: 07.06.2023).
- (Meltyukhov M.I. Stalin's missed chance. The Soviet Union and the fight for Europe. — In Russ.)
- Овчинников В.В. Горячий пепел. М.: Правда, 1987. 496 с.
- (Ovchinnikov V.V. Hot ashes. Moscow, 1987, 496 p. — In Russ.)
- Очиров У.Б. Советская авиация в Корейской войне 1950—1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 1999. 206 с.
- (Ochirov U.B. Soviet aviation in the Korean War 1950—1953: diss. ... candidate of Sciences (History), Elista, 1999, 206 p. — In Russ.)
- Подрепный Е.И. Реактивный прорыв Сталина. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 576 с.
- (Podrepny E.I. Stalin's jet breakthrough, Moscow, 2008, 576 p. — In Russ.)
- Полехин А.С. Торговые связи Республики Корея и США во второй половине XX — начале XXI столетия. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 105 с.
- (Polekhin A.S. Trade relations between the Republic of Korea and the United States in the second half of the XX — early XXI century, Moscow, 2004, 105 p. — In Russ.)
- Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950—1953 годов. М.: РОС-СПЭН, 2015. 310 с.
- (Torkunov A.V. Mystery war: Korean conflict 1950—1953, Moscow, 2015, 310 p. — In Russ.)
- Фултонская речь У. Черчилля от 5 марта 1946 г. (с русским переводом). URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html> (дата обращения: 04.06.2023).
- (The Fulton Speech of W. Churchill (March 5, 1946) — In Russ.)
- Fehner T.R., Gosling F.G. Origin of the Nevada test sites. Washington: United States Department of Energy, 2000
- Historian way land mayo, *Why Truman fired general Macarthur plans to drop atomic bombs would gave caused WWII*. URL: <http://b-29s-over-korea.com/Why-Truman-Fired-General-MacArthur/Why-Truman-Fired-General-MacArthur.html> (accessed: 10.06.2023).
- Walker J.D. A brief account of the Korean war. URL: http://www.kwva.org/brief_account_of_the_korean_war.htm (accessed: 11.06.2023).

BACKGROUND AND DEVELOPMENT OF THE CONFLICT IN KOREAIN 1950—1953 IN DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Vladimir V. Rybak

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, voldemarrybak@yandex.ru

Abstract. The readers are presented with an article studying the Korean War of 1950—1953 from the standpoints of the participants of the conflict from both opposing sides. This war was the first armed conflict between two ideologies: socialist and capitalist. The Korean crisis in its development went through various stages in form and content — from the war of 1950—1953 to the rapprochement and cooperation of the DPRK and the ROK in 2000—2002. However, it remains a difficult problem to solve. The Soviet Union was

an unconditional supporter of the DPRK for a long time, but with the collapse of the socialist system, views on the Korean conflict have undergone some changes. The views of South Korean supporters have not changed much over time, although they differ from each other. Using the method of historicism, this article analyzes monographs and collections of articles of domestic and foreign authors whose research touched upon the Korean issue. Using their example, the article will demonstrate: 1) how much the assessments of the conflict in the USSR and the USA differed; 2) how the position of the USSR and post-Soviet Russia changed depending on the foreign policy vector of the country at a specific time; 3) to what supporters of South Korea pay more attention. This paper proposes an analysis option — from the works of the 1940s to the works of the last few years, which will be a novelty in the proposed article.

Keywords: Korea, conflict, Cold war, USSR, Western world

For citation: Rybak V.V. Background and development of the conflict in Korea in 1950—1953 in domestic and foreign historiography, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 125—133.

Статья поступила в редакцию 31.07.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 19.03.2024.

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 19.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Рыбак Владимир Вадимович — магистр истории, соискатель кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, voldemarrybak@yandex.ru

Rybak Vladimir Vadimovich — Master of History, Applicant of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History in National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation, voldemarrybak@yandex.ru